

Николай Асеев принес в «Литературную газету» статью о Борисе Пастернаке, переводчике «Фауста» Гете. Взволнованный лирический монолог поэта о поэте. Дань неподдельного восхищения мастерством перевода, безусловно лучшего из всего, что было до сих пор в русской «Фаустинане». «Когда с картины столетней давности снимают пыль и копать времени, выступают живые краски во всей их первоначальной свежести. Гете писал «Фауста» всю свою жизнь. Мне кажется, что Б. Пастернак готовился к переводу «Фауста» тоже всю свою жизнь». Так начиналась статья Асеева.

Николай Асеев писал в «Литературную газету» статью о Борисе Пастернаке, переводчике «Фауста» Гете. Взволнованный лирический монолог поэта о поэте. Дань неподдельного восхищения мастерством перевода, безусловно лучшего из всего, что было до сих пор в русской «Фаустинане». «Когда с картины столетней давности снимают пыль и копать времени, выступают живые краски во всей их первоначальной свежести. Гете писал «Фауста» всю свою жизнь. Мне кажется, что Б. Пастернак готовился к переводу «Фауста» тоже всю свою жизнь». Так начиналась статья Асеева.

Борис Пастернак писал в «Литературную газету» статью о Борисе Пастернаке, переводчике «Фауста» Гете. Взволнованный лирический монолог поэта о поэте. Дань неподдельного восхищения мастерством перевода, безусловно лучшего из всего, что было до сих пор в русской «Фаустинане». «Когда с картины столетней давности снимают пыль и копать времени, выступают живые краски во всей их первоначальной свежести. Гете писал «Фауста» всю свою жизнь. Мне кажется, что Б. Пастернак готовился к переводу «Фауста» тоже всю свою жизнь». Так начиналась статья Асеева.

С секретарем Пастернака

В. А. Сельвинский

Борис ГАЛАНОВ

ТОГДА В ПЯТИДЕСЯТЫЕ

Из книги воспоминаний «Такая долгая — короткая жизнь».

В редакторате ее встретили без энтузиазма. Скорее даже настороженно, что, впрочем, тогда стало нормой. Настороженно встречали все похвалы Пастернаку, еще задолго до шума, поднятого вокруг «Доктора Живаго». Восторги! Восторги! Зачем так? Сплошное захваливание. А недостатки? Есть в переводе недостатки? Без недостатков не пойдет. Ведь не секретарь Союза писателей, не член правления, не лауреат. У нас даже о лауреатах можно нелицеприятно.

Знакомые придирки. И другие тоже до боли знакомые: «Ну, знаете, это что-то очень личное, субъективное, асеевское, а нужно было подняться над личным. Судить по другим критериям. Объективно. Партийную дать оценку».

Вспоминаю: в предвоенные годы, после одного из первых публичных чтений поэмы Николая Асеева «Маяковский начинается», из рядов поднялся некий строгий гражданин:

— Перечитайте, пожалуйста, Николай Николаевич, строчки про жену.

Асеев с готовностью повторил дорогие ему строчки:

Я больше теперь
Никуда не хочу выходить из дому:
Пускай все люстры в лампах
Горят, зажжены.
Чего мне искать
И глазами мелькать по пустому,
Когда ничего на свете
Нет
Нежнее моей жены.
Я мало писал про нее:
Про плечи ее молодые...

— Вот-вот, — заскрипел строгий гражданин. — «Про плечи ее молодые», — и, понизив голос, озабоченно продолжал: — Уж очень вы это как-то лично, интимно. Зачем же нам всем знать про молодые плечи вашей уважаемой супруги? Не хорошо это. Не ладно. В такой поэме, можно сказать, большого общественного звучания и гражданского накала.

Сколько раз, по разным поводам и, как тогда говорили, «на разных уровнях» доводилось слышать предостерегающий шепот или сердитый окрик: «Поменьше субъективности и всякого там самовыражения».

Конечно, поэма не критическая статья. Перебарщивать незачем. Но в критической статье пуще всего остерегайтесь субъективизма. Бог знает в какое заведет болото.

Узнав, что восторженный тон его статьи в редакции не всем пришелся по вкусу, Асеев предупредил:

— Я ведь высказываю свое личное мнение и свое отношение к переводу «Фауста». У меня оно такое. Другие выскажут свое.

Вот именно такое. А нам такое ни к чему. «Мое отношение — твое отношение». Нам, знаете ли, нужно такое отношение, которое сложилось на Старой площади. Там знают, что нужно.

Однако в редакции нашлись сторонники статьи Асеева. После долгих споров решили послать на отзыв поэтам, литературоведам. Пусть скажут свое слово. Тогда решим. И вот пришли отзывы. Илья Сельвинский мог, конечно, догадываться о редакционных баталиях вокруг статьи Асеева. Он-то хорошо знал литературные нравы и всегдашнюю готовность литературных функционеров предпочесть тусклые, безликие критические опуы ярким и оригинальным статьям. Высоко оценив перевод Пастернака, Сельвинский знер-

гично предостерег от возможных посягательств на статью Асеева: «Статья Николая Асеева написана пламенно и вдохновенно... А мы давно отвыкли говорить о поэзии взволнованно и всем сердцем, как она того заслуживает. Среди вечных «проработок», «замалчиваний», «раздуваний» и «подсигиваний», мы утратили то чистое и святое отношение к прекрасному, которое с такой силой проявилось в статье Асеева. Уже в этом одном большая ее заслуга».

Маститый исследователь романо-германских языков и литературы Виктор Максимович Жирмунский назвал перевод Пастернака большим событием в поэзии. «К проникновению в своеобразный поэтический мир философской драмы Гете Пастернак был подготовлен своей давней близостью к немецкой философско-поэтической культуре... Перевод Пастернака — творческий, результат подлинного и сильного поэтического вдохновения. Хотя, — добавлял Жирмунский, — Гете нередко является в нем в преломлении поэтического творчества Пастернака». Однако вопрос о публикации статьи Асеева Жирмунский тоже решал без колебаний, однозначным «за». «Мое суждение о статье Асеева, если бы даже редакция к нему присоединилась, не должно иметь никакого отношения к вопросу о напечатании этой статьи. Поэт Асеев имеет полное право выступить независимо от того, что будет думать о его выступлении литературовед и критик Жирмунский. Он имеет «право на дискуссии» и ятак же, как все прочие читатели «Литературной газеты», заинтересован в том, чтобы он мог осуществить свое право».

Если бы это предложение восторжествовало! Увы, от права написать статью до права ее напечатать была дистанция огромного размера. Ведь правом пере-

черкнуть статью обладал Большой дом на Старой площади. Так поступили и со статьей Асеева. Мне вернули в секретариате редакции отзывы рецензентов. Зря старались. Такие не понадобились. «Возвращаются за ненужностью. Можете хранить в своем архиве».

Как видит читатель, я воспользовался советом. Сохранил вместе с письмом Пастернака, имеющим отношение к другому постыдному делу.

В 1959 году в Ленинграде и Москве гастролировал с Нью-Йоркским симфоническим оркестром выдающийся американский композитор и дирижер Леонард Бернштейн, автор знаменитой «Вестсайдской истории». Моему отцу, в ту пору директору Большого зала Консерватории, и его заместителю Пастернак прислал письмо с просьбой продать четыре билета на концерт, а если билетов уже нет, то, пожалуйста, столько же пропусков. Пастернак был завсегдадаем Большого зала и не хотел пропустить выдающееся событие в музыкальной жизни Москвы. Кроме того, он надеялся встретиться с Бернштейном, а Бернштейн надеялся встретиться с Борисом Леонидовичем в антракте на своем концерте и дома у Пастернака. Об этом телеграфировал ему по приезде в Ленинград, где начинались гастроли оркестра. Казалось бы, несложно, по нынешним временам. Сегодня министру культуры было бы лестно получить приглашение на такую встречу. Но тридцать три года назад... Держу листок, написанный изящным, летящим почерком. Многие слова и буквы увенчаны стремительными и тоже как бы летящими красивыми линиями: «Я хотел бы его [Бернштейна] видеть у себя, — доверительно писал отцу Пастернак. Но в моем случае это обставлено трудностями. Имеется неопределенно и уклончиво выраженное, но официальное пожелание, чтобы я не встречался с иностранцами, но если Л. Б. выразит деятельную инициативу и настаивает на этом, обеспечьте его машиной в оба конца. Переделкин, левый поворот от Баковки по Мин[скому] шоссе, дача 3-я по улице Павленко».

Несбывшееся пожелание, невыполненная просьба. В антракте концерта стражи порядка бдительно охраняли кулисы. А из Большого зала Консерватории или гостиницы «Метрополь» до переделкинской дачи три по улице Павленко дорога к опасному автору «Доктора Живаго» была и вовсе заказана. Поездка к нему походила бы на полицейский детектив, где все оказываются в западне. А официально? «Деятельная инициатива» Бернштейна вызвала раздражение, если не сказать сильнее, гнев. Какие еще встречи! В Министерстве культуры перепугались. Любезное и предупредительное отношение к знаменитому дирижеру сразу поубавилось. Разговаривали сухо. Позаботились, чтобы пресса не слишком «трезвонила» о теплом приеме у публики. И уж не знаю, под каким благовидным (но в любом случае — неблагоприятным) предлогом — просьбу категорически отклонили.

«Хэппи-энд» ожидать не приходилось.

Пастернак Борис

01.93